

ИНОГДА ГОВОРЯТ, что Жадов — «типично тюзовский герой». В самом деле, чем-то родственны ему, например, юноши из пьес В. Розова середины 50-х годов, «постоянно прописанные» на тюзовской сцене. В мире таких героев уверенно и свободно освоился лет десять назад Владимир Дроздов на сцене пермского ТЮЗа. Многим тогда стало казаться: вот он, чистый, в чем-то наивный, но предельно искренний, чуткий к любой жизненной фальши, бескомпромиссный юноша, которого только и играть этому молодому артисту. И хотя уже тогда роли Дроздова были достаточно многообразны (в свое время наша газета писала о них), «розовские мальчики» в представлении зрителей как-то прочно соединились с его актерским обликом. Легкий, подвижный молодой человек, по-спортивному подтянутый и быстрый. Выражение лица я простодушное, и лукавое:

инности или неумения вести себя в обществе так беспомощно бормочет Жадов слова раскаяния и просит дать ему доходное место. Он понимает, что его словам сейчас никто поверить не сможет. Вероятно, в этот момент, а не после, осознает он, что сломить его можно, но сделать другим — немислимо.

Итак, герой Дроздова на сцене проходит свой жизненный путь, живет естественной жизнью. А она только тогда и возможна, когда имеется постоянный духовный контакт с партнерами. Необходимость такого контакта Дроздов чувствует особенно остро. Недавно он писал о Льве Ефимовиче Стужеве как об одном из лучших своих партнеров, который никогда не играет вполсилы, вкладывается в каждую мизансцену целиком и втягивает в тот же режим работы всех, с кем играет. Сильных партнеров в Пермском драмтеатре достаточно.

● Актеры и роли ●

ВТОРАЯ АКТЕРСКАЯ БИОГРАФИЯ

сейчас он скажет что-то неожиданное, а главное — свое, то, что впервые в жизни заметил и открыл его пытливый герой, вступающий в мир и доверяющий пока только собственному опыту. Так, значит, еще одна разнovidность актера на характерные роли?

Все оказалось сложнее. Ищущими были герои, искал себя вместе с ними и артист. И самая крупная его работа после перехода в областной драматический театр — Жадов — вовсе не смотрится как продолжение прежних юношеских ролей Дроздова. У нее свои, особые истоки.

Казалось бы, положительному тюзовскому герою не грех малость и подекламировать, показать прямой внешний пафос. Вот этого как раз, никогда не делал Дроздов. Он старался избегать восклицательных знаков даже там, где они расставлены. Говорить просто, иногда вполголоса, вроде бы даже невыразительно — манера, на первый взгляд, невыигрышная, особенно там, где по традиции требуется подчеркнутая патетика. Но почему-то его всегда внимательно слушали, чувствуя, что герой на сцене сосредоточенно думает над тем, что сейчас произносит, и взгляд его обращен куда-то внутрь.

Ожидать встречи с декламирующим Жадовым, больше того, Жадовым-резонером — тоже естественно. И здесь Владимир Дроздов больше, чем во многих других ролях, остается последовательно верен себе. Голос его не звенит даже там, где ему положено звенеть в момент самого страстного обличения прорывавшихся взяточников. Но в чем сила такого Жадова, чем он убеждает и что главное в нем?

Жадов в исполнении Дроздова приходит в спектакль с принципами, но без программы поступков. Его герой не знает, что ждет его впереди, и не считает, будто бы разбирается в жизни. Он не думает, что перед ним, образованным молодым чиновником, откроются все возможности и не будет борьбы. Нет, он просто беспечен, потому что молод, потому что любит Полину, и склонен судить о людях своего поколения по себе: не все же Белогубовы... А самое главное: он спокойно уверен в своем превосходстве над полуграмотными Юсовыми, которые способны видеть высшую государственную мудрость в канцелярской бессмыслице. Настолько уверен, что считает излишним быть высокомерным. Он в общем-то приветлив и добр. И столкновение с воинствующей враждебностью чиновничьего мира и мешанской стихией Кукушкиных сначала вызывает у него недоумение. Умный Глузов, понимая и презирая то и другое, заранее признал силу пошлости, с которой пошел на выгодный мир. Умный Жадов до конца остается собой, человеком с убеждениями. Так ему легче. Не от на-

Главное же в том, что ансамбль в спектакле здесь создается на основе единого понимания смысла действия, в котором герои дополняют, дорисовывают друг друга, постоянно думая над мотивировкой своих слов и поступков.

В этот стиль творческой работы театра Дроздов вошел сразу же, без внутренних усилий, когда полтора года назад был принят в труппу, где ему поручают ответственной роль главную роль в спектакле «Доходное место». И успех этой постановки И. Т. Бобылева, высоко оцененной на Всероссийском конкурсе спектаклей, подготовленных к юбилею великого драматурга, во многом был обеспечен точным решением главной роли.

На сцене областного драмтеатра Владимиром Дроздовым сыграно за неполные два сезона немало ролей, причем разного плана и уже потому грудных. Рабочий-изобретатель Виктор Лесиков в «Ситуации» (снова встреча с драматургией В. Розова, но в ее чисто «взрослом» повороте). Сын американского фермера в «Продавце дождя» Р. Нэша (парень, казалось бы, беззаботный и безответственный, не внушающий доверия окружающим, но натура цельная, со своеобразным внутренним миром). Купец Тимофей Щербнев в «Свадьбе Кречинского», Андрон в «Птицах нашей молодости». Совсем недавно зрители увидели его в сатирической комедии М. Стеглика «Сельская любовь», где он играет контрреволюционного террориста Франтишка. Этот сценический образ еще весь в движении, в процессе осознания его места в истории. Откуда он появился и куда движется? О нем, как и о других персонажах пьесы, предстоит еще много размышлять. И актеру. И режиссеру. И зрителю.

Известно, как с возрастом у некоторых актеров происходит подобающая летам смена ролей. О такой смене Дроздову думать преждевременно. С ним происходит сегодня другое: идет смелое, решительное расширение актерского диапазона. Не всегда можно предсказывать, какую роль мог бы сыграть этот артист, которому свойственно беспокойное стремление к эксперименту. Ему охотно поручают ответственные роли, не сомневаясь в выборе. Уверен и зритель: от встречи с этим артистом он всегда ждет чего-то настоящего и значительного.

В. ВОЛОВИНСКИЙ.